

**Константин
ГНЕТНЕВ**

г. Петрозаводск

КОТТЕДЖ НА ДРУГОМ БЕРЕГУ

рассказ

В этом году весна пришла в город рано. Почки на берёзах едва выстрелили первый крохотный лист, а в старых тесных дворах уже пахло тягучим запахом лета. Никто, кроме голубей на вокзальном карнизе, не заметил, что появился новый человек. Мужчина в лёгком модном пальто и со спокойными мягкими глазами бросил на заднее сиденье такси сумку и назвал водителю адрес. Никто бы не признал в нём чужого. Анатолий Петрович Тихонов легко мог сойти за потомственного горожанина. Он знал о городе почти всё. После многих лет работы в Арктике на полярных станциях он долго выбирал, где ему жить дальше. Возвращаться на Брянщину, где у него родина, не хотелось. Да и некуда: жена давно обменяла квартиру, и где она теперь сама, неизвестно. Он выбрал этот город. Здесь большой залив, долгие берега, леса, северное спокойствие в глазах встречных и ещё что-то неуловимо европейское, отличное от срединной России. Может, влияние близкой границы, — в этом он пока не разобрался.

В первые дни Анатолий Петрович бродил по городским улочкам, сидел на скамейках подле голых пока старых деревьев на бульварах, дивился длинной и ухоженной набережной. И душа его тихо радовалась, знала, что угадал с выбором и будет хорошо. Была ещё одна причина радоваться. О ней думал со смущением, осторожно. Год назад неожиданно для себя он начал писать. Вначале записывал смешные случаи, что бывали с ним и с его товарищами на зимовках. Смешные случаи незаметно потянули за собой не очень смешные, коих на его полярном веку тоже предостаточно, потом и вовсе трагические. И он, браня себя за прежнюю недогадливость, торопливо записывал имена тех, с кем работал и дружил и кто остался в вековечных невозмутимых льдах навсегда. Записей набралась целая тетрадь. Однажды выбрал поинтереснее, перепечатал и отправил в журнал, ни на что, разумеется, не рассчитывая. Ему ответили добрыми одобряющими словами, а потом и вовсе прислали журнал с публикацией. Редакция журнала располагалась в этом городе. И он втайне надеялся, вдруг получится написать что-то значительное. Ведь ни об Арктике, ни о полярниках давно не печатали ничего стоящего. А ведь там жизнь, невидимая с материка. Ему хотелось попробовать себя в новой работе. Он уже почувствовал её терпкий вкус. И может статься, редакторы ему помогут.

Анатолий Петрович нашёл офис риелторов. Молодая женщина стремительно печатала на компьютере и одновременно без умолку говорила в телефон у плеча, убеждая кого-то «подумать хорошенько». Он дождался паузы, попросил карту города и показал ряд домов на крайней улице над заливом. «Мне нужна большая квартира здесь! Этаж самый высокий». «Это дома послевоенной застройки», — ответила женщина, оглядывая его с головы до ног и не скрывая удивления. В её представлении он никак не походил на богача: подтянут, строен, но немножко простоват, что ли. Она дала бы ему не более сорока. Хотя на этот раз опыт явно подвёл её, — странному посетителю на самом деле пора было давать под пятьдесят. «В послевоенное время здесь жила профессура и начальство, — объяснила она. — Да и теперь живёт. Тут продают редко и дорого». «Мне всё равно, — безо всякого выражения сказал мужчина. — Другой мне не нужно. И хорошо бы всё быстро оформить, чтобы до осени отремонтировать и вселиться». Всё так и получилось. Большая квартира, в которой много воздуха и света, уютный кабинет, балкон с видом на залив и далёкий лес на другом берегу, маленькая юркая автомашинка... Так он мечтал начать новую жизнь на материке. Так её и начал.

Он ждал осени. Подгонял дизайнеров с их бесконечными идеями перепланировок, потом мягко нажимал на рабочих с их обстоятельной неторопливостью и текучими отделками. Хотелось обосноваться наконец, встретить сентябрь спокойно, порадоваться на яркое осеннее роскошество прибрежного бульвара и берегов в пятнах алеющих рябин. Нетерпения своего временами пугался, мол, будто в последний раз: насмотреться, а там... Он отвык от ярких картин за многие годы; отвык, соскучился, но не забыл. «Больше всех времён года я люблю осень, — вспоминал Тихонов любимого Паустовского. — Может быть, за то, что ей очень мало отпущено времени для её шелестящей и облетающей жизни». «Шелестящая и облетающая жизнь — как же это здорово! — восхищался он. — Это же кем нужно стать, чтобы писать так!»

Только сны ему снятся всё из прошлой жизни. «Анатолий Петрович, Анатолий Петрович, вставайте. Он опять сидит!» Это молодой метеоролог Ксения. У неё первая зимовка, она пока обживается на станции и всего боится. Вот и теперь по-

ра на метеоплощадку снимать показания с приборов, а медведь разлётся возле мастерской. Страшно! Каждую ночь повадился приходить. И чего ждёт? Он начальник, обязан реагировать. Одевается, выходит, показывает ружьё и громким голосом пугает медведя. Медведь слушает, лениво поднимается и, поминутно оглядываясь, уходит. То снится самое плохое: треск льда, подвижки, от которых никогда не знаешь, чего ждать. И хотя редко бывало на его зимовках, да и давно, а вот снится, снится и снится. И не знаешь, что с этим поделаться. Вот сегодня всю ночь какая-то беготня на станции, хлопает дверь, кто-то зовёт снаружи. Он проснулся и стал вспоминать, что это за станция, когда было. Вспомнил: лет пятнадцать назад, станция у Маячного мыса, порывом ветра вырвало антенну...

На часах почти пять. Он встал, заварил кофе и вышел на балкон. По ночам стало холодать. Чашка парила, как маленький вулкан. Где-то недалеко за озером к городу подбирался рассвет. Неровная гребёнка леса на другом берегу проглянула в густой синеве неба. На другом берегу залива заканчивался город. Большие многоквартирные дома из панелей сменили бедные щитовые домишки, кривые заборы и хаос сараев. За ними просматривалось пустое поле с пожелтевшей некошеной травой. Поле выглядит будто граница между старым бедным и новым, агрессивно состоятельным; за ним, чуть в отдалении, начинался район загородных домов-коттеджей. Дворы здесь подсвечивались от самой земли, и кажется, будто весь этот маленький красивый городок плывёт над землёй в тумане надвигающегося утра.

Анатолий Петрович давно заметил один из коттеджей, на его вкус, самый изящный здесь. Всё в нём ладно: просторная терраса, большой стол под пологой крышей и плетёные кресла, фонари на углах и причудливое оформление высокого крыльца. Коттедж построили неподалёку от берега, и иногда днём Анатолий Петрович видел в мощный бинокль его отражение на воде в бликах фонарей.

На террасе горел свет. Он горел часто, бывало, поздно вечером и ночами. Это казалось ему странным. «Живёт большая семья, дети болеют, — объяснял он себе. — Известно, что именно осенью слабеет иммунитет». И стал представлять семью, озабоченного бизнесом отца и хлопотливую маму, а по выходным

счастливые вечера среди детей в просторном холле. Ему приятно было думать, что такая жизнь существует и он может на неё посмотреть хотя бы в бинокль со своего балкона.

Одна у него нынче забота — письменный стол. С утра садится и... Иногда ни строчки за день, иногда и две-три страницы выходят. Тогда он долго не верит, что так здорово получилось. Внимательно, на несколько раз, прочитывает странички и удивляется, что выбросить из них ничего не хочется, ни одной строки. Так, исподволь, набралась новая подборка новелл из арктической жизни. И однажды он особенно тщательно побрился, надел белую рубашку, повязал галстук и отправился в редакцию. В редакции тихо. Не бегают озабоченные сотрудники, не стучит клавиатура. Только в приёмной негромко разговаривают две женщины: молодая и постарше, в строгом брючном костюме и немного усталым лицом. Анатолий Петрович спросил, можно ли поговорить с главным редактором Еленой Владимировной. Та, что постарше, жестом предложила пройти за ней. В редакторском кабинете Тихонов почувствовал непреклонную склонность к абсолютному аккуратизму. Книги в шкафах стоят ровно, а не лежат грудями, стол отнюдь не завален рукописями, как он представлял себе по некоторым кино. Ему это понравилось. Он и сам был неисправимый аккуратист, «мучитель», как в шутку звали его коллеги на станции. Анатолий Петрович представился и сказал, что печатался в журнале некоторое время назад со своими новеллами.

— Мы в редакции другим вас представляли, — сказала Елена Владимировна и улыбнулась.

— В седой бороде, как у Челингарова? — спросил Тихонов. — Или в тулупе с маузером на боку, как у Папанина?

— Примерно так, — ответила. — Образ полярника нам прочно навесили литература и кино. А вы с виду городской житель, покоряющий разве что дачный участок. А вы лично знакомы с Челингаровым?

— Я полярник нового века. Маузеров нам теперь не выдают. Артур Николаевич в середине семидесятых работал в Западном секторе Арктики, возглавлял управление в Амдерме и подбирал в коллектив молодых. Меня почему-то отправил на ледокол развозить по океану снабжение по полярным станциям.

— Вы у нас проездом? Принесли ещё что-то?

Тихонов рассказал, что недавно вышел на пенсию и поселился в их городе. И подал папку с новеллами. Елена Владимировна одобительно кивнула. Тихонов не понял, что она одобрила — выход на пенсию, переезд в их город или новую рукопись. Она пробежала первую страницу, перелистнула, глянула вторую, третью...

— Вы знаете, Анатолий Петрович, — сказала она, откладывая рукопись. — Признаюсь, хотела написать вам письмо после первой публикации, но подумала и воздержалась. Ждала следующей.

Елена Владимировна замолчала. Тихонов напрягся. Ещё на пути сюда он предполагал, что разговор может получить и неприятный поворот. Кто он такой? Начинающий автор, только и всего. Таких десятки. А в журнале, что ни номер, публикуются один другого маститей. Он с волнением ждал продолжения разговора. Освободившаяся от листьев ветка тополя за окном методично постукивала в оконную раму. Ветка чувствовала надвигающиеся холода и просилась в тепло дома.

— То, что вы делаете, Анатолий Петрович, интересно, — сказала она, чуть подумав. — Мы это напечатаем.

Тихонов перевёл дух. Стараясь не выдавать волнения, придвинул стул поближе к столу. «Сейчас скажет про замечания, необходимость доработки и вернёт рукопись», — подумал он. Однако речь зашла о другом. И этого другого Тихонов никак не ожидал.

— Но новелл уже мало для вас, — продолжила Елена Владимировна, легонько похлопав ладонью по его папке. Тихонов отметил, что обручального кольца на пальце нет. «Неужели не замужем, — подумал он. — При том, что неглупых мужиков вокруг трётся немало». Его почему-то порадовало это открытие.

— Вы хорошо рисуете природу и характеры героев, — продолжила она. В глазах её Тихонов увидел некоторый вызов. Она будто ждала его реакции. — Новеллы не похожи на плоские зарисовки с натуры. В них ощущается объём и время. Да, да, не удивляйтесь! Дело в деталях. В одной видишь 70-е годы, в другой безошибочно угадываешь 90-е.

Тихонов понял, что это только вступление. Главное не сказано. И он с нетерпением ждал, что же редактор считает за главное в его рабо-

те. «У неё за спиной журнал, — думал он. — Это же сколько рукописей приходится читать, думать над ними и в конце концов выбирать для публикации, зная, что автор может попросить объяснений, почему отставили именно его работу. И объяснения должны быть точными и убедительными». Он внутренне вздрогнул, услышав сказанное.

— Вам пора браться за крупную вещь. Принимайтесь за повесть или, может быть, сразу за роман. Иногда это получается у новичков. Только помните: главными должны быть всё-таки не буряны и медведи, а люди, их характеры и взаимоотношения в сложнейшей обстановке.

— У меня нет опыта по этой части, — сказал Тихонов. — Я имею в виду крупный объём.

— На стуле, где теперь сидите вы, три дня назад сидел наверняка известный вам по публикациям писатель. У него девять повестей и пять романов. И он признался, что, приступая к новой работе, всякий раз обнаруживает отсутствие опыта. И это правда, какой бы странной она ни казалась. Каждая новая крупная вещь требует своего опыта. И опыт этот почти исчерпывается, как только писатель ставит точку. Можете считать, что ничем не отличаетесь от маститых. Литература — целина, где каждый торит себе дорогу сам. И каждый раз — новую дорогу.

— Всё-таки боюсь, — сказал Тихонов. — Одно дело небольшой рассказ, другое — повесть и роман...

— Все боятся, — ответила Елена Владимировна, вставая. — Кроме графоманов. Когда начнёте и одолеют сомнения, а они непременно одолеют, приносите нам главами. Мы в редакции почитаем и вместе по-доброму обсудим.

По дороге домой Тихонов купил вина и теперь сидел с бокалом в кресле и смотрел на остывающий к зиме залив. Вода парила. Первые заморозки крадучись подходили к городу с северо-востока. Ещё неделя-полторы, и они накроют дома холодным одеялом, а провода оденут хрупким игольчатым инеем. Лужицы на дорогах и во дворах заблестят по утрам новенькой чистой корочкой. Дети по пути в школу станут сердить озабоченных родителей, скользить, падать и веселиться.

Тихонову и приятно было думать о предстоящей работе, и тревожно. Он уговаривал себя не торопиться. «Только не надо спешить, — говорил

он себе. — Нужен план, нужно продумать вещь хотя бы до половины. Нужен герой, его история. Герой, герой... Кто он, как попал в Арктику, как жил, была ли у него семья?» — думал Тихонов. Семья... Он вспомнил о коттедже на другом берегу, взял бинокль. На террасе, как и прежде, горел свет. Но теперь она не пустовала. Трое мужчин и женщина сидели в креслах вокруг стола, что-то обсуждали, передавая друг другу бумаги. «Интересно, — подумал Тихонов. — Вечер уже, какие могут быть дела вечером?» Вскоре мужчины поднялись и спустились с крыльца. Он увидел, как три автомобиля выехали из коттеджного посёлка и направились в город. Это ещё больше озадачило Тихонова. Он подумал, что вовсе не компания друзей гостила в коттедже. Скорее всего, говорили о делах. И ему почему-то очень захотелось самому побывать на другом берегу, узнать, как живут в красивом доме и великолепном месте. «Да, в таком месте просто не может быть плохой жизни, — уверен он. — Просто не может, и всё». И ночью долго не мог уснуть, ворочался и думал о жизни на другом берегу. Ему хотелось утром собраться, завести машину и... «То-то меня ждут, — останавливал сам себя. — Разве пустят чужого человека в свою жизнь. Размечтался».

Семейная жизнь у него не заладилась. Хотя это неверно. Заладилась хорошо, только разладилась быстро. «Хорошо, что не спросила о семье, — подумал Тихонов, вспоминая разговор с Еленой Владимировной. — А то пришлось бы...» И хотя неприятно ему, но иногда, помимо воли, воспоминания о жене и их недлинной общей жизни лезут в голову. А ведь начиналось-то как хорошо: один курс метеорологического техникума, юношеское нетерпеливое стремление вместе и навсегда шагнуть в будущую жизнь, захватывающие дух планы... Но его направили на ледокол развозить грузы по станциям на студёных островах. Она осталась на берегу бомбить его письмами. Он получал их по возвращении из рейса пачками. Письма, вначале мирные, скоро наполнились упрёками, мол, бросил, одна, страдаю и т.д. Потом он уже заставлял себя читать их, исполненных едва сдерживаемой истерики. Попросился на станцию и взял её с собой, выучил на метеоролога. И тут оказалось не так, как она себе представляла: стужа, тесно, скучно, одни и те же разговоры. Потом и вовсе скандал. Как-то поздним вечером заявила, что не может больше, что

чувствует себя с ним как в тюрьме. Его поразила неожиданный упрёк. Оказывается, нет у неё никакой личной жизни. Он принял это как удар в спину. Вместе и навсегда уже не получится. Запросил замену и со сменой отправил её на материк. Вот и вся семейная жизнь. Короткая, как заячий хвост.

После разговора в редакции журнала работа застопорилась. Писать новеллы в одну-три странички не хотелось. Но и план большой работы никак не складывался. И главное — он не мог представить себе главного героя и его судьбу. Неопределённость заставляла нервничать. И очень хотелось съездить на другой берег. Но повод? Он никак не мог придумать повод, чтобы вот так, запросто, заявиться в дом к незнакомым людям. Тихонов думал неделю и месяц, пока не понял, что не придумает ничего стоящего до конца жизни. И поэтому однажды субботним полднем отодвинул чашку с недопитым кофе, оделся как на праздник и спустился во двор к машине. На выезде из города купил торт, цветы, бутылку вина и поехал на окраину. «Будь что будет, — решил он. — Не убыют, однако».

На окраине уже поселилась зима. Крыши, окрестные поля покрыл неглубокий пока снежок. Залив от берегов, где помельче, стоял во льду. Первые рыбаки из самых нетерпеливых боком-боком передвигались от лунки к лунке, опасливо волоча за собой санки с ящиками. Подальше от берега, на глубине, парили промывины с чёрной стыллой водой.

На сигнал домофона у ворот долго не отвечали. Тихонов решил, что в коттедже никого нет. «Выходной, увезли детей в город. Отдыхают». Но домофон ожил и строгим женским голосом спросил: «Вам кого?» — «Извините, — смутился Тихонов. — Я никого не знаю. Просто хочу познакомиться. У вас такой красивый дом...» — «Вот ещё новости, — сказал недовольный женский голос. — Я никого не жду. Что за странная манера. Вы кто?» — «Я из города. Живу на другом берегу. Мне очень нравится ваш дом. Очень хочу рассмотреть его ближе». — «Если вы риелтор, то имейте в виду: дом не продаётся». — «Я не риелтор, и мне есть где жить». — «А кто же вы такой?» — «Пенсионер. Я недавно поселился в вашем городе». — «Хорошо, — мрачно сказал голос. — Только ненадолго». Сухо щёлкнул замок, и ворота открылись.

Коттеджный городок только застраивался.

Ещё не поднялись ряды глухого кустарника. Им любят опоясывать владения дачники. Юные берёзки за красивыми коваными оградками по-сиротски качают ветками. Опоздавшие слететь до зимы, а теперь присыпанные свежим снежком, листья редкими жёлтыми пятнами украшают их подножья.

За воротами коттеджа всё именно так. Только вдоль дорожки справа и слева стоят столбиками молодые заморские туи. Вид у них был жалковатый. Будто привезли, высадили, а предупредить про холода позабыли. И теперь вышел неприятный сюрприз. Мёрзнут и грустно вспоминают тёплую родину. Тихонов отметил насторожившую его деталь: во дворе не заметил качелей и песочницы, без которых трудно представить себе детское бытие. Он решил, что песочница под снегом и неприметна на первый взгляд. Но снега по щиколотку. «Похоже, дети здесь не водятся», — подумал он с грустью.

Тихонов поднялся на веранду и постучал. Дверь открыла женщина. Приятное лицо с разлётом бровей, короткая стрижка, стильные брюки и жакет выдавали в ней деловую. Как принято теперь говорить, бизнес-леди. И первый вопрос оказался деловой:

— Итак, что вы хотели посмотреть?

Тихонов положил торт и вино на стол и подал хозяйке цветы.

— Прошу ещё раз извинения за вторжение, — сказал он. — Понимаю, что выгляжу нелепо, но...

Он представился и попросил разрешения снять пальто. На вешалке его ждало второе открытие: на ней не оказалось мужской одежды. «Вот попал, — подумал он. — Сочтёт меня за нахального придурка, что приплёлся клеить незамужнюю женщину. Этого мне только не хватало».

— Мой дом за озером, в первой линии, — начал он. — Оттуда хорошо виден ваш берег и коттедж. Я с осени люблюсь им. И вот пришла блажь познакомиться с хозяевами, порадоваться и местом, и домом. Вы извините мою слабость, пожалуйста. Если я вас задерживаю, скажите, я сразу уеду.

— Сразу скажу, вино мы с вами пить не будем, уважаемый Анатолий Петрович, — сухо сообщила хозяйка, кивая на бутылку. — Но минут тридцать могу уделить. Мне скоро нужно в город по делам. Зовут меня Натальей Викторовной.

Она вышла и вернулась с цветным каталогом строительной фирмы. На обложке Тихонов

увидел фото знакомого коттеджа. Надпись наискосок извещала, что проект называется «Семейное гнёздышко».

— Здесь вы найдёте всю информацию, включая объём и стоимость материалов. Я добавить ничего не смогу. Проектированием и строительством занимался муж. — Она замолчала, видимо решая, стоит ли об этом говорить случайному человеку. И всё-таки сказала: — Бывший.

Тихонов растерялся. Он не знал, о чём говорить с этой женщиной теперь. Он не был готов к подобной ситуации. Как пишут в романах, в доме повисло тягостное молчание. Положение спасла хозяйка.

— Вы сказали, что на пенсии. А чем занимались по жизни?

— Специальностей у меня много. Я метеоролог, гидролог, механик, водитель автомобиля и тракторист, радист и администратор. А профессия одна — полярник.

— О, как интересно! — обрадовалась Наталья Викторовна. Тихонов удивился, как быстро из строгой леди она превратилась в обычную любопытную женщину. — Где же вы работали?

— В Арктике. Без малого тридцать лет на островах и на побережье арктических морей. Потом выбрал ваш город и приехал сюда жить.

— Да-а-а, — выдохнула Наталья Викторовна. — Тут бы стоило отложить поездку, открыть вино и послушать ваши рассказы. Я в школе любила читать про Арктику.

Она помолчала и предложила:

— Анатолий Петрович, приезжайте-ка завтра. Расскажите об ужасных морозах и белых медведях. Завтра я свободна. Договорились? А коттедж изучите сегодня по рекламному проспекту.

— Неудобно будет беспокоить вас ещё раз, — вконец смутившись, начал было Тихонов.

— Часиков так в 11, не раньше, — будто не поняла его смущения Наталья Викторовна. — Я рада, что вы не риелтор. А то где бы мне жить, — пошутила она, провожая Тихонова к двери. — До завтра.

«Вот попал, — думал слегка озадаченный неожиданным поворотом дела Тихонов, выходя со двора. — Что же мне теперь делать? Отказаться неприлично — сам напросился. Развлекать женщину рассказами?» Хотя в глубине души ему приятно думать о новой встрече. И он совсем не против развлекать рассказами новую знакомую.

Дома он перелистал проспект. Проспект явно побывал в работе. Поверх глянцевых фото гелиевой ручкой на отдельные конструкции нанесены пунктиры изменений. Решительным переделкам подвергнуты и кровля, и фундаменты. Последняя страница оказалась вкривь и вкось покрыта записями. Имена, телефоны, какие-то адреса... Тихонов нашёл надпись, которая его заинтересовала: «заказчик»... имя и телефон. Набрал имя в поисковике Яндексa, прочитал справку и удивился. Заказчиком коттеджа оказался один из состоятельных бизнесменов края, владелец нескольких крупных строительных и транспортных предприятий и группы строительных же супермаркетов. На многочисленных фотографиях Тихонов увидел сорокалетнего мужчину с молодой, начинающей полнотой, немного уставшим лицом и прямым взглядом внимательных глаз. Тут же интернет предложил множество упоминаний предпринимателя в прессе и газетных статей о нём. Тихонов перелистнул некоторые: «...при участии... введён в эксплуатацию новый цех...», «выступил на открытии офиса продаж...», «губернатор ввёл... в состав экспертного совета...». И тут же сенсация: «Развод года! Известный предприниматель предпочёл жене бывшую секретаршу...»

— Сейчас мы немножко попопдничаем, выпьем кофе и поговорим, — сказала Наталья Викторовна, встречая Тихонова у двери. — Вы ведь не против?

Одетая в этот раз по-домашнему, она выглядела стройней и моложе. «Чего это он предпочёл секретаршу? — неодобрительно подумал Тихонов о бывшем муже. — Какие вздорные желания у этих богатых». Они пили кофе и молчали, приглядывались друг к другу.

— Вы извините, — сказала Наталья Викторовна. — Может, хотели попробовать вчерашний торт? Но я отдала его соседке. У них сегодня праздник, день рождения. Правда, не знаю, у кого. Там четверо детей, и я до сих пор не помню всех по именам, — засмеялась она.

Тихонову хотелось спросить, почему же в доме нет никого, кроме самой хозяйки. Неужели после развода она осталась совсем одна. Но это могло показаться бесцеремонностью.

— Мы на станции в такие дни пекли большой пирог. И если к тому времени оставалось

спиртное, вечером собирались, выпивали, разговаривали и пели песни.

— Жить много месяцев бок о бок, видется каждый день, говорить и делать одно и то же — это, наверное, тяжело? — спросила она. — Я имею в виду психологически, морально. Характеры-то у всех разные.

— Моя жена едва выдержала одну смену. Пришлось отпустить на Большую землю.

— И где она теперь?

— Не знаю. Много лет прошло. А характеры... Если в душе есть ощущение общего дела, характеры притрутся. Я не помню больших конфликтов. Кто не сможет подчинить личное общему, тот уходит.

— Жёстко, однако. Разве не так?

Тихонов промолчал. Для него в проверенной десятилетиями формуле не содержалось вопросов. За окном начался снегопад. Крупные снежинки подлетали к большому окну, исполняли замысловатый танец, то кружась, то падая и снова взлетая, и покорно ложились на подоконник. Озёрная гладь скрылась за белесой пеленой. Пелена постоянно изменялась. Она то рвалась под порывом ветра, и тогда в прорехе виднелись другой берег и городские дома, то снова закрывалась новыми пушистыми вихрями.

— У вас тёплый дом, — сказал Тихонов. — Много пространства, большие окна, а непогода никак не ощущается. Я прочитал в проспекте, что его заказывал известный предприниматель Н. Это его дом?

Наталья Викторовна отодвинула чашку с кофе, встала и подошла к окну.

— Он построил его для меня, — сказала после долгой паузы. — Выбрал проект и переделал для комфортной жизни зимой. Он же специалист. Он и проектировщик, и строитель, и экономист, и юрист, и бухгалтер, и всё, что хотите. Он может всё. Мы учились с ним на одном курсе в университете.

Она нервно расправила шторы. Массивные складки качнулись и замерли. Наталья Викторовна заметно волновалась. Тихонов пожалел, что затеял разговор про коттедж и назвал имя Н. Он догадался, что воспоминания тяжелы для неё.

— Если вы зайдёте в интернет, — неожиданно продолжила она, — много узнаете о нас. Он ведь нынче человек публичный.

— Да, вчера заходил, — признался Тихонов, опа-

саясь, что на этом разговор может закончиться. — Но, признаюсь, читал немного. Личная жизнь незнакомых людей меня интересует мало. К тому же я чужой в вашем городе и никого не знаю.

Наталья Викторовна встала к окну. Снегопад во дворе всё набирал и набирал силу. Теперь не только залива, но даже кованой ограды на границе участка невозможно увидеть.

— Чужой, чужой... — грустно повторила она, продолжая смотреть во двор. И неожиданно продолжила. — После универа мы вместе с ним поступили к проектировщикам в мастерскую. Уже заведомо стал, когда его понесло в бизнес. Говорю, зачем? У нас всё стабильно, заработок и прочее. Нет, ввязался — и то ему надо, и это... Денег ни на что нет. Кредитов набрал во всех банках. Спрашиваю, чем будешь отдавать? «Некому будет отдавать, — говорит. — Грохнутся они скоро, эти банки. Видишь, как глупо себя ведут».

— И они грохнулись?

— Да, почти все. Папа работал в правительстве, квартиру из пяти комнат оставил, — продолжила она немного зло. — «Давай продадим — деньги дозарезу нужны! В однокомнатной перекантуемся». Продали. Полгода не прошло, и снова: «Наташа, давай продадим квартиру. Я комнату в общежитии станкозавода присмотрел. Переедем ненадолго. Вернём всё потом». Но тут я встала намертво. Сказала нет! Последнее не отдам! Он чуть не плачет: «Мне до конца недели деньги нужны. Я уже покупателя нашёл». И обещает: «Поднимусь, всё тебе куплю: и дом, и фирму, и всё, что захочешь. Всё смогу». Я упёрлась. Наслушалась уже этих обещаний. У меня и так из-за него никакой своей жизни не стало. Он спросил, и голос такой грустный: «Так ты больше не со мной?» И ушёл.

Она походила по комнате, что-то подвигала на плите и снова подседала к столу. Лицо её было бледно.

— Раньше вспоминала и плакала, — сказала она тихо. — А теперь слёзы не идут. Перегорело. И не читаю больше о нём. Не хочу.

— Он всё же добился своего...

— Добился, — словно эхо повторила она. — Может, на первых порах я ему мешала? — попыталась пошутить она. Но шутка получилась жалковатая. Она улыбнулась чему-то своему, подумала и продолжила, стараясь говорить весёлым голосом.

— Первым делом он выкупил проектную фирму, где я работала. Крепкая фирма, много заказов, стабильная загрузка на год-два вперёд. Такие не продаются. Он пришёл на переговоры раз и другой. Ему говорят, мол, с какой стати? И как он это проделал, невозможно представить, только вскоре руководству объявили, что с нового года фирма не получит ни одного заказа. Ни одного! Выход — банкротство или продажа. Он купил и переписал её на меня. Меня коллеги чуть не разорвали! Обвинили, что я с ним заодно, шпионила и прочее. Некоторые даже ушли. И коттедж этот построил. «Гнёздышко»...

Она встала и нервно прошлась по комнате. Кремовые шторы на больших окнах-витражах тяжело шевельнулись вслед. «Гнёздышко», — повторила ещё раз. — Просили его...

— Осенью прикатили аж троём: он и два его юриста, — продолжила Наталья Викторовна. — У него ведь теперь своё юрбюро. Один с бумагами на коттедж, другой на фирму. Даже кофе не остался выпить. Некогда, говорит, дела. Такой вот...

— И на секретарше женился...

— Да уж, секретарша! С самого начала ходила за ним тенью, отвечала на звонки, писала что-то в блокнот. «Это Алина, здравствуйте! Вы позвонили в офис N...» Какой там офис! У них тогда стула своего не было. Он смеялся и говорил: по три месяца зарплату не плачу, нечем, а она не уходит.

— А сейчас она кто?

— Не знаю, не интересуюсь. Говорят, управляет

его супермаркетами. Как-то исхитрилась окончить финансовый. Наверняка он помог.

Снегопад за окном превратился в пургу. Тихонов подумал — первая пурга этой зимы. И ещё представилось почему-то, к добру она. Впереди на полгода привычный снег, снег и снег. Время большой работы. Он обязательно начнёт свой роман. И уже знает, как начнёт. Ведь в Арктику не обязательно попадают по распределению или за деньгами. Случается, в неё убегают.

— Не знаю, что это я так разоткровенничалась с вами. Это лишнее. Пурга виновата. Извините.

Наталья Викторовна открыла сумочку и подала Тихонову визитную карточку.

— Мы теперь знакомы, — сказала с виноватой улыбкой. — И о полярных зимовках так и не поговорили. Позвоните как-нибудь. Вечерами я почти всегда дома. Буду ждать.

Он взял карточку и попросился. За дверью в лицо ударил тугой снежный заряд с озера. Тихонов хотел смахнуть с ресниц колючие снежинки, но под тёплой ладонью они сразу растаяли. Он вытер холодноватую влагу, словно умылся. В душе волной разлились спокойствие и радость. И ещё почему-то облегчение. Он не понимал, откуда и почему пришли к нему облегчение и спокойствие. Думать об этом сейчас не хотелось. «Мело, мело по всей земле, во все пределы...» — вспомнились вечные строчки. На выходе из ворот он опустил карточку в почтовый ящик.

□

Константин Васильевич ГНЕТНЕВ (род. в 1947 году)

— публицист, писатель,

окончил факультет журналистики ЛГУ

и более 30 лет работал в периодических изданиях

Карелии сотрудником и главным редактором.

Лауреат международной литературной премии

Союза писателей России «Полярная звезда»,

победитель Всероссийского литературного конкурса

«Бородино» губернатора Московской области,

лауреат премии Республики Карелия

в области литературы (2008 и 2014 гг.),

премии журнала «Север» и специальной премии Союза

журналистов Карелии «За мастерство и достоинство»;

заслуженный работник культуры Российской Федерации.

